

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМОГЕНЕЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. Карпов

член-корр. РАО, д.пс.н., профессор,
заведующий кафедрой психологии труда и организационной психологии
декан факультета психологии ЯрГУ
Россия, Ярославль

В.Д. Шадриков

академик РАО, д.пс.н., профессор кафедры общей и экспериментальной психологии
департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ
Россия, Москва

Аннотация. Представлены теоретические и методологические материалы, обосновывающие необходимость и намечающие пути разработки обобщающей, интегральной концепции системогенеза деятельности. В ее рамках обеспечивается концептуальный синтез представлений об основных закономерностях системогенеза трех основных типов деятельности – игровой, учебной и трудовой. Рассматриваются некоторые основные положения интегральной концепции системогенеза деятельности.

Ключевые слова: системогенез, интегральная концепция системогенеза, типы деятельности, трудовая деятельность, учебная деятельность, игровая деятельность, принципы системогенеза.

В ряде наших предыдущих работ (в частности, [2, 3]) было обосновано положение, согласно которому генезис игровой деятельности, равно как и генезис двух иных основных типов деятельности – учебной и трудовой [5], подчиняется всем основным закономерностям системогенетического характера и представляет собой, в силу этого, системогенез. В результате этого происходит концептуальное расширение самой теории системогенеза; она распространена на такую сферу – на такую предметную область, которая до сих пор не была охвачена ей. Вместе с тем, процесс системогенеза подвергается по отношению к данному типу деятельности достаточно глубокой и многоаспектной спецификации – спецификации, быть может, еще более выраженной, нежели по отношению к учебной деятельности.

Далее, следует обязательно учитывать то, что в результате такого расширения было осуществлено не только и не просто включение в данную теорию «еще одного» основного типа деятельности. Принципиальное значение имеет то, что за счет этого в данную теорию включается *последний* – так сказать «оставшийся» из трех традиционно выделяемых основных типов деятельности. Однако это же означает, что в теорию системогенеза оказываются включенными не «те или иные» типы деятельности, а *все существующие* типы. Следовательно, она обретает не только полноту и завершенность в плане охвата ею типов деятельности, но и, фактически, *исчерпывающий* в этом отношении характер. Синтетическое, то есть обобщенное рассмотрение особенностей и закономерностей генезиса всех трех основных типов деятельности в их взаимосвязи и взаимопреемственности является объективно необходимым (и, соответственно, гносеологически императивным) условием формулировки аналогичных, то есть также *обобщающих* представлений о системогенезе деятельности в целом. Лишь при этом условии концепция системогенеза обретает необходимую степень полноты и завершенности, поскольку включает в себя *все* основные типы деятельности, а не только их часть. Другими словами, включение в сферу системогенетической теории игровой деятельности – это не просто ее «дополнение», а в известном смысле – и *завершение* (разумеется, не в плане глубины ее концептуального содержания, а в плане охвата предметной области исследования).

Еще более принципиальным и имплицитным является то, что генезис игровой деятельности, равно как и сам феномен детской игры помимо, разумеется, своего собственного – огромного значения, раскрывается еще одной его важнейшей гранью, предстает в еще одной своей функции. Он эксплицируется в качестве объективно необходимого этапа генезиса иных – последующих за игровой деятельностью ее основных типов (учебной и трудовой). Это означает, что он, фактически, выступает в *инструментальной* функции и по отношению к ним. В связи с этим можно сказать и так: генезис игровой деятельности – это конечно, ее собственное формирование и развитие. Однако этот же гене-

зис является и этапом, уровнем и комплексным средством, а потому – и органической составной частью генезиса двух иных основных типов деятельности.

Отсюда вытекает и еще одно следствие. Генезис трех основных типов деятельности раскрывается в качестве трех основных *макроэтапов* общего процесса формирования и развития – генезиса деятельностной формы активности личности в целом. Данные этапы образуют в своей совокупности *макрогенез* этой формы – становление и развитие деятельностной формы активности как таковой. Это – процесс формирования и развития не тех или иных *типов* деятельности (пусть – и основных) как *видовых* образований, а генезис общей психологической архитектоники *Деятельности* как *родовой* сущности по отношению к своим частным – видовым экспликациям. В этом глобальном процессе макрогенеза особое место как раз и принадлежит формированию и развитию игровой деятельности. Она является *первым* из формирующихся в процесс ее онтогенеза типом деятельности, в которой осуществляется не только формирование и развитие важнейших психических образований, но и их возникновение – фактическое *складывание* (и даже *закладывание*). Кроме того, именно *поэтому же* ее собственный генезис выполняет очень важную – инструментальную функцию по отношению к генезису двух других основных типов деятельности.

При этом следует учитывать, что одной из главных причин, сдерживающих разработку психологии деятельности в целом, является так сказать «общее отношение» к самой категории деятельности. Точнее говоря, это трактовка понятия деятельности именно в качестве *категории* (то есть конструктора, обладающего *максимальной* степенью обобщенности). Известно, однако, что одним из важнейших гносеологических условий и даже – средств решения той или иной научной проблемы, разработки того или иного понятия является их *включение* в какой-либо – более *общий* концептуальный контекст. Если последовательно реализовать данную – *общую* гносеологическую закономерность, то не только можно, но и необходимо рассмотреть саму деятельность не как «верховную инстанцию», не как родовое понятие, а как «составляющую» чего-либо более *общего*. Необходимо трансформировать категорию деятельности из *родового* образования (и, соответственно, понятия) в *видовое* – в образование и понятие, являющиеся *частными* случаями чего-либо более общего.

С этих позиций деятельность как таковая в ее строгом и непосредственном, то есть именно *конкретно-научном* – собственно психологическом смысле раскрывается, однако, как *частный* случай, как одна из разновидностей и форм *регуляции* взаимодействия двух (или более) систем. По отношению к деятельности, это, разумеется, регуляция взаимодействия двух совершенно определенных систем – субъекта и объекта, что, кстати говоря, и зафиксировано в «классической деятельностной триаде» (*субъект* деятельности – *процесс* деятельности – *объект* деятельности). Однако, если это так, то на данный случай – именно как *частный* должны быть перенесены (хотя, не исключено, и в специфицированной форме) *общие* закономерности, представления о которых разработаны в теории регуляции и теории координации. *Общерегулятивные закономерности* должны выступать поэтому в качестве интерпретационного средства для объяснения закономерностей организации деятельности.

Еще одно – быть может, наиболее принципиально заключение, которое также с необходимостью вытекает из обобщенного рассмотрения системогенеза трех основных типов деятельности, состоит в следующем. С одной стороны, оно позволило охватить системогенетическим подходом тот основной тип деятельности, который пока не был изучен с его позиций. В результате оказалось, что и он тоже подчиняется системогенетическим закономерностям. Следовательно, *все* известные основные типы деятельности эксплицируют свою подчиненность именно системогенетическому типу формирования и развития. С другой стороны, анализ показал также, что их генезис синтезирован в более общий процесс *макрогенеза* всех этих трех основных типов деятельности. Он – и это наиболее принципиально – также разворачивается как процесс системогенеза. Тем самым, можно, а на наш взгляд, – и нужно дифференцировать два уровня обобщенности теоретических представлений в рамках системогенетического подхода. Во-первых, – это уровень частных, специальных теорий, каждая из которых раскрывает закономерности формирования и развития того или иного основного типа деятельности. С этих позиций можно и нужно говорить о концепции системогенеза профессиональной деятельности, а также об аналогичных концепциях системогенеза учебной и игровой деятельности. Они тем самым эксплицируются как частные, специальные системогенетические концепции. Во-вторых, – это уровень обобщенных представлений, в которых синтезированы закономерности генезиса всех трех основных типов деятельности, а также раскрыты закономерности их макрогенеза в целом. На этом уровне теория системогенеза обретает качественно новый уровень полноты и степени интегративности охвата ею как всех основных типов деятельности, так и базовых категорий закономерностей, которым подчиняются и они сами в целом, и их генезис, в особенности.

Далее, немаловажно подчеркнуть, что с позиций сформулированных выше представлений онтогенетическая смена основных типов деятельности предстает, фактически, как единый процесс, характеризующийся принципиальной общностью его смысла и ведущей направленности. Он раскрывается в качестве последовательной и закономерной смены различных степеней совершенства (и, соответственно, – «мощности») единого по своей сути и функциональному предназначению общесистемного регулятивного инварианта. Он образован такими средствами, которые необходимы и достаточны для обеспечения эффективного взаимодействия систем со «средой» в беспрецедентно широком диапазоне изменений как самих типов систем, так и разнообразия «сред взаимодействия». Данный инвариант причем, не только в его содержательном аспекте, но и в его темпоральном плане, то есть во временной «развертке», образован определенной совокупностью регулятивных процессов. Он включает в себя следующие процессы: целеобразование, антиципацию, прогнозирование, принятие решения, планирование, программирование, контроль, самоконтроль.

В свете сказанного становится существенно более понятной и еще одна особенность, а одновременно – и принципиальная трудность развития теории деятельности. Она состоит в том, что очень трудно или даже невозможно провести четкую дифференциацию основных типов деятельности; установить, так сказать, «демаркационные линии» между ними. Как известно, их дифференциация носит, в основном, подчеркнута эмпирико-феноменологический характер, а поиск четких и теоретически обоснованных критериев их разделения, как правило, либо не выступает в качестве самостоятельной задачи, либо (если выступает), то не приводит обычно к успеху. В реальности эти типы постоянно и систематически «взаимопроникают» друг в друга; они «накладываются» друг на друга и не являются так сказать «дизъюнктивно отчлененными» сущностями. Вместе с тем, с позиций развитой выше интерпретации этих типов – в качестве различных форм (и степеней совершенства) регулятивного инварианта данная трудность в значительной мере преодолевается. Основные типы деятельности эксплицируются в качестве различных – частных проявлений некоторой общей сущности, а потому их принципиальная недизъюнктивность становится не только совершенно объяснимой, но и вполне естественной и даже – необходимой. Они не могут не «пересекаться» и не «взаимопроникать» друг в друга, поскольку являются, фактически, хотя и качественно своеобразными, но все же именно спецификациями единой сущности – общесистемного регулятивного инварианта.

Следует специально подчеркнуть, что данный регулятивный инвариант потому и является *инвариантом*, что в значительной степени «безразличен» к содержанию и даже к типам систем, в которых он может реализовываться. Он выступает как необходимый и достаточный для их регуляции. Но это означает, в свою очередь, что он обладает и очень высокой степенью обобщенности; он носит, действительно, общий, точнее – общесистемный характер. Собственно говоря, именно поэтому он и является не просто «регулятивным инвариантом», а именно *общесистемным* регулятивным инвариантом. Проявления такого общего (или даже всеобщего) характера данного инварианта многочисленны и в принципе достаточно хорошо известны; они, фактически, повсеместны. Они зафиксированы и подробно изучены и в общей теории систем, и в теории организаций, и в теории координации, и в психологии управления, и в общей психологии (равно, как, впрочем, и в целом ряде иных научных дисциплин). Данный инвариант составляет основное содержание и процессуальное «ядро» *регулятивной подсистемы* психики.

На основе сформулированных положений можно, далее, высказать ряд дополнительных суждений относительно характера и общего смысла генезиса форм и типов деятельности в процессе возрастного развития. Действительно, с одной стороны, не подлежит сомнению, что три основных – традиционно дифференцируемых типа деятельности (игровая, учебная, трудовая) характеризуются глубокими, то есть именно качественными различиями в уровне сформированности данного регулятивного инварианта. Они глубоко различны по мере его развитости и, соответственно, совершенства. Это означает, что в каждом из них он представлен на качественно разном уровне сформированности системы интегральных процессов в целом и каждого из них в отдельности. Однако, с другой стороны, с этих же позиций и сами основные типы деятельности раскрываются в несколько ином свете и в ином «предназначении». Они эксплицируются в качестве средств и организационных форм, в качестве общего – комплексного контекста для формирования и развития самого регулятивного инварианта. Данный инвариант, повторяем, представлен на уровне психики не в его «абстрактно-всеобщей» форме, а в форме совершенно конкретной – в качестве класса интегральных процессов. Эти процессы, в свою очередь, образуют «процессуальное ядро» регулятивной подсистемы в целом. С этих позиций закономерности последовательной смены основных типов деятельности (игра – учение – труд) пред-

стают как обусловленные логикой развития системы интегральных процессов, логикой развития и совершенствовании регулятивного инварианта.

Итак, логика смены основных типов деятельности, равно как и сама их дифференциация, является не только генетически обусловленной (и, следовательно, и генетически относительной). Она имеет в своей основе также и наиболее общие, глубинные закономерности генезиса самой регулятивной подсистемы психики. Несколько схематизируя, можно сказать и так: необходимость формирования и совершенствования регулятивной подсистемы «диктует» состав и логику смены основных типов деятельности. Игра, учение и труд выступают с этих позиций как объективно необходимые, последовательно сменяющие друг друга этапы качественного совершенствования регулятивного инварианта и, следовательно, всей регулятивной подсистемы психики. Процесс генезиса регулятивной подсистемы, в основе которого, в свою очередь, лежит генезис регулятивного инварианта, выступает как более общий. Он задает собой метаконтекст для развития каждого из основных типов деятельности и даже для их совокупного – общего развития, для их последовательной и закономерной смены.

В связи с этим, можно говорить о некотором общем онтогенезе деятельности, точнее – о ее *макрогенезе* в ходе общего онтогенетического развития личности. Он представляет собой единый и внутренне организованный процесс, включающий как формирование отдельных типов, так и общую организацию их последовательной смены на всем продолжении онтогенеза. В связи с этим, становится очевидным следующее обстоятельство. Общее содержание и наиболее принципиальный смысл онтогенетического развития деятельности не может быть сведено лишь к тому, что в ходе этого развития формируются сами основные типы деятельности. Тем более оно не может быть понято и в плане того, что «общим вектором» такого развития является направленность их смены по отношению к формированию трудовой деятельности как наиболее развитому ее типу. И уж тем более оно не сводится к эволюционному развитию отдельных видов (а не типов) деятельности – в частности, трудовой.

Общее содержание и наиболее принципиальный смысл макропроцесса онтогенеза деятельности состоят не только, а быть может, – и не столько в этом. Дело еще и в том, что в ходе данного процесса осуществляется последовательное формирование и развитие общесистемного регулятивного инварианта взаимодействия личности со «средой», человека с миром. Оно, в свою очередь, подчиняется общим закономерностям системного типа. Данный инвариант принимает в ходе развертывания данного процесса различные формы и степени своей воплощенности в активности личности и, следовательно, различные уровни его совершенства. Эти формы и уровни составляют суть того, что на эмпирико-феноменологическом уровне эксплицируется как основные типы деятельности. В данном контексте несколько по-новому предстает и само понятие деятельности. Она раскрывается в качестве одной из экспликаций действия общесистемного регулятивного инварианта; в качестве очень комплексного, но все же так сказать «технологического», организационного средства, направленного на регуляцию взаимодействия «человека и мира». Наряду, разумеется, с сохранением всех иных своих атрибутов, которые очень подробно охарактеризованы и в психологии, и в философии, она обретает и более конкретный по содержанию, хотя и очень общий по значению, статус. Она эксплицируется и в качестве системы операционных средств, в качестве так сказать «технологии» взаимодействия «человека и мира». Поэтому и ее онтогенетическое развитие означает (и включает в себя) не только формирование основных типов деятельности (и уже тем более – ее конкретных видов), но и формирование Деятельности как наиболее обобщенного операционно-регулятивного средства («технологии») взаимодействия «человека и мира».

Другими словами, формируется своего рода абстрагированная по отношению к типам и видам, но совершенно конкретная по психологическому содержанию форма организации субъектного взаимодействия. Ей и выступает система интегральных процессов, синтезированная в единый общесистемный регулятивный инвариант. Он лежит в основе Деятельности, взятой в ее максимально обобщенном статусе – в статусе, который реализует на уровне психического само понятие регулятивного инварианта и наполняет его конкретно-психологическим содержанием. Это содержание, взятое в аспекте его психологических механизмов и процессуальных средств, как раз и составляет «процессуальное ядро» регулятивной подсистемы психики в целом. Она, как показано выше, на онтогенетически зрелых стадиях своего развития обретает специфически деятельностьную организацию, то есть мультиплицирует в себе психологическую архитектуру деятельности. Такая мультипликация, в свою очередь, осуществляется посредством того, что в качестве основы регулятивной подсистемы начинает выступать совокупность специфически деятельностных, регулятивных процессов – интегральных процессов. Они, в свою очередь, образуют содержание самого регулятивного инварианта.

Сформулированные представления позволяют предложить решение еще одного, достаточно значимого в теоретическом отношении вопроса. Он, однако, обычно не только не формулируется в явном виде, но и вообще представляется, на первый взгляд, несколько необычным, а его смысл состоит в следующем. Само существование и последовательная смена основных типов деятельности традиционно рассматривается как некоторая «данность», как нечто «уже существующее» и, собственно говоря, не нуждающееся ни в осмыслении, ни в обосновании и пр. Вместе с тем, давно назрел вопрос о том, можно ли свести все богатство и многообразие форм взаимодействия личности и мира только к этой триаде. В плане ответа на него нами было сформулировано положение, согласно которому иные – зрелые и сложные формы поведенческой активности личности, также организуются по принципам, лежащим в основе деятельности. Причем, хорошо известно и то, что все эти формы «внедеятельностной» активности не только крайне многообразны, но ничуть не проще, нежели сама профессиональная деятельность (хотя именно она практически всегда рассматривается как высший тип деятельностной активности). В их качестве можно отметить, скажем, играющее огромную роль в жизнедеятельности любого человека «рекреационное поведение» («досуговую деятельность»). Далее, в этом же ряду необходимо отметить, конечно, и сложнейшие поведенческие формы активности, связанные с преодолением личностных кризисов (в том числе и экзистенциального уровня сложности). Нельзя не отметить и аналогичные по степени сложности формы поведенческой активности, связанные с преодолением конфликтов самого разного типа и уровня, а также с организацией межличностного взаимодействия в целом. Можно отметить и такую специфическую, очень сложную форму, каковой выступает так называемое манипулятивное поведение. К анализируемой здесь категории организации личностной активности не только может, но и обязательно должно быть привлечено также понятие «внутренней деятельности», которое, как известно, имеет достаточно многочисленные экспликации в психологических исследованиях. В частности, как справедливо отмечает Д.А. Леонтьев, это его использование в контексте анализа деятельности переживания критических ситуаций (Ф.Е. Василюк); и понятие работы сновидения (З. Фрейд); и понятие работы горя (Э. Линдемэн); и понятие труда восприятия искусства (Л.С. Выготский); работы суицида (Л. Фарбер); деятельности мировоззрения (Д.А. Леонтьев); работы личности (П. Жане, М.Ш. Магомед-Эминов) [4]. Наконец, и просто – подавляющее большинство случаев так называемого «бытового поведения» (при условии, разумеется, достаточно высокого уровня его сложности) также организуется в этой форме.

В целом, по-видимому, любое сколько-нибудь сложное взаимодействие с той или иной ситуацией, адаптация к ней и выход из нее практически всегда организуется в этой форме, по этому же типу. Лежащее в их основе функционирование регулятивной подсистемы, которое само организовано в деятельностной форме, организует «внешнее» поведение личности. Поэтому оно также разворачивается как деятельностно-организованное, точнее – как обретенное деятельностную форму организации. В основе этого лежит то, что эта организация осуществляется посредством все того же регулятивного инварианта (образованного совокупностью интегральных процессов), который составляет суть психической регуляции деятельности.

Итак, можно видеть, что по отношению к зрелой, сформировавшейся личности, то есть на «продвинутых» стадиях ее онтогенетического развития, любое ее сколько-нибудь сложное поведение разворачивается именно в деятельностной форме. На его организацию транспонируются и в нем мультиплицируются принципы и закономерности собственно деятельностной организации. Вся та огромная по объему и крайне значимая для личности сфера ее жизнедеятельности, которая выходит за пределы собственно профессиональной сферы (то есть за пределы третьего основного ее типа, считающегося, однако, «последним»), также представляет в собственно психологическом плане деятельностную организацию. Она выступает как деятельность, хотя уже и существенно иная, нежели трудовая, профессиональная. Она носит принципиально «пост-профессиональный», «пост-трудоу» и в этом плане – «пост-деятельностный» в целом характер (поскольку трудовая деятельность и считается традиционно «высшим и последним» ее видом).

Далее, необходимо подчеркнуть еще два следствия из проведенного выше рассмотрения. Так, представленные выше материалы в определенной мере содействуют решению одного из наиболее запутанных и дискуссионных вопросов – вопроса о соотношении понятий деятельности и поведения. Не вдаваясь во все нюансы этих дискуссий, отметим следующее. Если рассматривать поведение в его относительно наиболее сложных разновидностях и проявлениях, характерных для взрослой личности и уже «прошедших опосредствование» процессом овладения трудовой деятельностью, то достаточно очевидным становится следующее обстоятельство. Оно (поведение) очень часто связано с решением

таких задач и с преодолением таких жизненных ситуаций, которые не только не уступают по сложности и комплексности собственно профессиональным ситуациям, но и превосходят их (нередко – существенно). Кроме того, по степени своей значимости, по их роли и смыслу для личности они также очень часто превосходят собственно профессиональные ситуации. Можно, по-видимому, сказать и более категорично: эти – жизненные, то есть собственно поведенческие, «внепрофессиональные» ситуации играют для личности в общем случае существенно бóльшую роль, нежели ситуации профессионального плана. Нельзя закрывать глаза на то, что для большинства индивидов «жизнь важнее деятельности» (и сложнее нее). Соответственно и их поведенческая активность «важнее и сложнее» профессиональной деятельности.

Пора, наконец, отказаться от положения, которое до сих пор господствует в психологии (особенно в отечественной) и согласно которому именно профессиональная сфера, а соответственно – и трудовая деятельность является «важнейшей, сложнейшей и главнейшей» для личности. В реальности именно внепрофессиональная сфера очень часто (или даже – как правило) является существенно более важной и сложной, а нередко – и вообще «единственно значимой», определяя экзистенциальные основы для всего бытия личности в целом [1]. Совершенно понятно, однако, что на нее не могут не переноситься и все те средства, весь тот потенциал, в том числе – и регулятивный, которым располагает личность. Следовательно, и само это «внепрофессиональное» поведение (поведение как такое – в целом) не может не строиться как деятельность. Оно, выходя за пределы профессиональной деятельности, тем не менее, строится принципиально так же как деятельность, но уже качественно иного типа. В основе психической регуляции поведения лежат обобщенные и генерализованные интегральные процессы, сформировавшиеся в рамках освоения предыдущих типов деятельности (игровой, учебной и особенно трудовой). Они, однако, утрачивают «привязку» к ее конкретным видам и становятся «наддеятельностными» (метадеятельностными) образованиями. Поэтому и само сложноорганизованное поведение по механизмам и операционным средствам своей организации также обретает статус деятельностного образования. В силу этого, соотношение понятий «деятельность» и «поведение» раскрывается как соотношение двух уровней, а соответственно, – и двух типов самой деятельности: деятельности «первого» и «второго порядка».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда; № проекта 16-18-10030

Библиографический список

1. Карпов А.В. Психология деятельности. В 5-т. М.: РАО, 2105.
2. Карпов А.В., Шадриков В.Д., Карпова Е.В., Субботина Л.Ю. Системогенез игровой деятельности. М.: РАО, 2017. 504 с.
3. Карпов А.В., Шадриков В.Д. Интегральная концепция системогенеза деятельности. М., 2017. 424 с.
4. Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 431 с.
5. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982. 182 с.

Принятые в издании сокращенные наименования учреждений

АГЗ	Академия гражданской защиты МЧС России
АСО	Академия социального образования
АСУ	Академия социального управления
АрхПК	Архангельский педагогический колледж
БарГУ	Барановичский государственный университет
БГПУ	Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка
БГУ	Белорусский государственный университет
БрГУ	Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
ВГИФК	Воронежский государственный институт физической культуры
ВУНЦ «ОВА ВС РФ»	Военный учебно-научный центр «Общевойсковой академии Вооруженных Сил Российской Федерации» им. Фрунзе
ВолГУ	Вологодский государственный университет
ВИПЭ ФСИН России	Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний
ВВИМО	Вольский военный институт материального обеспечения
ВЮТ	Воронежский юридический техникум
ВНИИ	Всероссийский научно-исследовательский институт «Градиент»
ВЮТ	Воронежский юридический техникум
ВятГУ	Вятский государственный университет
ГГУ	Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
ГрГУ	Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
ГМУ	Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф.Ушакова
ДГПУ	Дагестанский государственный педагогический университет
ДвГУПС	Дальневосточный государственный университет путей сообщения
ЗКГУ	Западно-Казахстанский государственный университет имени М. Утемисова
ИвПСА	Ивановская пожарно-спасательная академия
ИвГУ	Ивановский государственный университет
ИРО	Институт развития образования
ИГУ	Иркутский государственный университет
ИП РАН	Институт психологии Российской академии наук
ИППО	Института педагогики и психологии образования
ИП НАПН	Институт психологии им. Г.С. Костюка НАПН Украины
ИПС РБ	Институт пограничной службы Республики Беларусь
ИУО РАО	Институт управления образованием Российской академии образования
КГУ им. К.Э. Циолковского	Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
КГУ им. Н.А. Некрасова	Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
КГПУ	Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
КПНИ	Краснопереконский психоневрологический интернат
КубГУ	Кубанский государственный университет
КФУ	Казанский (Приволжский) федеральный университет
ЛГУ	Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
МАПН	Международная Академия Психологических Наук
МГПИ	Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева
МосГУ	Московский гуманитарный университет
МСПИ	Московский социально-педагогический институт
МГППУ	Московский городской психолого-педагогический университет

МГППУ	Московский государственный психолого-педагогический университет
МГПУ	Московский городской педагогический университет
МГУ	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МИП	Московский институт психоанализа
МИУ	Международный инновационный университет
МПГУ	Московский педагогический государственный университет
МФЮУ	Московский финансово-юридический университет
НИЕВ	Национальный Институт имени Екатерины Великой
НГУ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
НИУ ВШЭ	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ПИ РАО	Психологический институт Российской академии образования
ПИУ РАНХиГС	Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РАНХиГС	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РАО	Российская академия образования
РосНОУ	Российский новый университет
РГАУ-МСХА	Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева
РГПУ	Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
РГСУ	Российский государственный социальный университет
РГУ	Российский государственный университет им. А.Н.Косыгина
РГУФКСМиТ	Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма
РТУ	Российский технологический университет
РЭУ	Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
СПб АППО	Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
СПВИ	Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии РФ
СПбГУГА	Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации
СПбНИУ ИТМО	Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики
МЦБС	Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Межрайонная централизованная библиотечная система им. М.Ю. Лермонтова»
САФУ	Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
СГЮА	Саратовская государственная юридическая академия
СГТУ	Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.
СГУ	Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
ССЭИ	Саратовский социально-экономический институт
СурГУ	Сургутский государственный университет
ТГТУ	Тверского государственного технического университета
ТГУ	Национальный исследовательский Томский государственный университет
ТГТУ	Тверской государственный технический университет

ТюмГУ	Тюменский государственный университет
ТИПК МВД России	Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ
УдГУ	Удмуртский государственный университет
ЧелГУ	Челябинский государственный университет
ЧГПУ	Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
ЮГУ	Югорский государственный университет
ЮУрГУ	Южно-Уральский государственный университет
ЯВВУ ПВО	Ярославское высшее зенитное ракетное училище противовоздушной обороны (военный институт)
ЯГПУ	Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ЯрГУ	Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научное издание

Системогенез учебной и профессиональной деятельности

Часть I

***Материалы
VIII всероссийской научно-практической конференции***

19 - 20 ноября 2018 года

Состав организационного и программного комитета:

Председатель
программного комитета
В.Д. Шадриков

Председатель
организационного комитета
Ю.П. Поваренков

Программный комитет:

Н.П. Ансимова, А.В. Карпов, М.М. Кашапов, В.В. Козлов, В.А. Мазиллов,
Н.В. Нижегородцева, Ю.П. Поваренков, Г.А. Суворова

Оргкомитет:

Н.П. Воронин, Е.В. Карпова, М.М. Кашапов, В.А. Мазиллов, Н.В. Нижегородцева, Ю.Н. Слепко,
А.М. Ходырев, А.Э. Цымбалюк

Научный редактор Юрий Павлович Поваренков

Технический редактор выпускных сведений С.А. Сосновцева

Подписано в печать 29.10.2018 г. Формат 60х90/8
Объем 44,5 печ. л. 34,4 уч.-изд.л. Тираж 150 экз. Заказ № 209.

Редакционно-издательский отдел
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108
Отпечатано в типографии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, ул. Которосльская наб., д. 44